

Academia. Архитектура и строительство, № 3, стр. 69–75.
Academia. Architecture and Construction, no. 3, pp. 69–75.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.01
DOI: 10.22337/2077-9038-2024-3-69-75

О дискретности городских пространств

Бондаренко Игорь Андреевич (Москва). Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН. Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (Россия, 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26. НИУ МГСУ); Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл. почта: igor.bondarenko.54@mail.ru

Аннотация. Статья преследует цель показать, что древним и средневековым городам была присуща пространственная дискретность, обусловленная патриархально-общинной системой землепользования, замкнутостью семейного быта, строгой социальной и церковной субординацией. Поселения включали в себя самодостаточные «микроміры», разделённые лишь вспомогательными межевыми пространствами. Существовали и относительно крупные улицы и площади, но им тоже была свойственна пространственная обособленность. Совсем по-другому стали осмысливаться и формироваться города Нового и Новейшего времени. Приоритетное развитие в них получил пространственный каркас государственной значимости. Приватные пространства при этом оказались второстепенными и сократились до минимума. Метаморфоза произошла под знаком борьбы с дробностью и «рыхлостью» городской ткани во имя достижения её максимально возможной объёмно-планировочной и композиционно-стилистической целостности. Автор приходит к выводу о целесообразности возвращения к более традиционной и умеренной системе пространственной структуризации современного города.

Ключевые слова: город, архитектура, территория, землепользование, дворовладение, замкнутость, открытость, дискретность, целостность, пространства приватные и общественные

Финансирование. Исследование выполнено за счёт средств Государственной программы фундаментальных научных исследований Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2024 год, тема № 1.1.6.1 «Архитектурная организация городского пространства: целостность и дискретность».

Для цитирования. Бондаренко И.А. О дискретности городских пространств // Academia. Архитектура и строительство. – 2024. – № 3. – С. 69–75. – DOI: 10.22337/2077-9038-2024-3-69-75.

On the Discreteness of Urban Spaces

Bondarenko Igor A. (Moscow). Doctor of Architecture, Professor, Academician of RAACS. National Research Moscow State University of Civil Engineering (Russia, 129337, 26, Yaroslavskoye Shosse, Moscow, Russia. NRU MGSU); the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (9 Dushinskaya st., Moscow, 111024. NIITIAG). E-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru

Abstract. The article aims to show that ancient and medieval cities were characterized by spatial discreteness due to the patriarchal-communal system of land use, closed family life, and strict social and ecclesiastical subordination. Settlements included self-sufficient "microworlds" separated only by auxiliary boundary spaces. There were also relatively large streets and squares, but they were also characterized by spatial isolation. The cities of the New and Modern times began to be conceptualized and formed in a completely different way. They prioritized the development of the spatial framework of state

importance. Private spaces became secondary and were reduced to a minimum. The metamorphosis occurred under the sign of the struggle against fragmentation and "loose" urban fabric in the name of achieving its maximum possible volume-planning and compositional-stylistic integrity. The author concludes that it is advisable to return to a more traditional and moderate system of spatial structurization of the modern city.

Keywords: city, architecture, territory, land use, yard ownership, closedness, openness, discreteness, integrity, private and public spaces

Funding. The research was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation" for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2024, topic No. 1.1.6.1 "Architectural organization of urban space: integrity and discreteness".

For citation. Bondarenko I.A. On the Discreteness of Urban Spaces. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2024, no. 3, pp. 69–75, doi: 10.22337/2077-9038-2024-3-69-75.

Изначальным признаком всякого города была более или менее капитальная ограда. Само слово «город» в русском языке имеет общий корень со словами ограждение, преграда, грань, граница, а также гора. Расселяясь по долинам рек, люди воспринимали горы в качестве естественного ограждения облюбываемых ими земель. Устремлённость гор ввысь указывала на их predetermined связь с небом. В средневековых источниках встречаются упоминания о «столбах неба», напоминающих высочайшие горы или скалы [1, с. 112].

Не только свои, малые земли, но и весь мир в целом представлялся народам древности в виде широкого дола, покрытого прочным куполом неба. Если смотреть на круговую линию горизонта с некоторой возвышенности, то кажется, что она поднята над уровнем нижележащей земли. Создаётся впечатление, будто земля – это дно чаши, окружённое стенками, как сплошным кольцом гор, на котором покоится небосвод. До нас дошли рассуждения на сей счёт некоторых средневековых авторов, в частности, Неккама, считавшего, что уровень моря выше, чем суши, «как мы видим своими глазами» [2, с. 373].

Охарактеризованная модель мироздания имела черты сходства со всеохватной космической горой, почитавшейся в Азии под именем Меру или Сумеру. Образ горы превращает пространство нашего обитания в совсем замкнутое, по сути дела, пещерное.

Строительство города преследовало цель создать для своего рода-племени надёжное убежище, подобное тому, что было сотворено в начале времён благами высшими силами. Только внутри этого убежища течёт размеренная жизнь, вокруг же царит буйный смертоносный хаос. Вот почему ограждение должно быть неприступным, «от земли и до самого неба», как было принято выражаться при произнесении магических заклинаний или заговоров.

Записанные этнографами и фольклористами заговоры впечатляют своими сказочными образами, рисуемыми словами, которые, наверняка, сопровождались жестиком, соотносимой с конкретными конструкциями или хотя бы их

воображаемыми архитектурными очертаниями. Приведу пару примеров: «...тын железный, врата медные, верей булатные, замок пресветлого рая, ключ небесного царствия от земли до неба, от неба и до престола и по земле, от востока до запада, от запада и до севера, от севера и до лета (юга), со всех четырёх сторон...» [3, с. 331]; «...обставьте круг меня, раба Б., тын железный, верей булатны, на 120 вёрст, оком не окинуть, глазом не увидеть; пропущайте огненную реку!» [3, с. 343].

Становится понятно, сколь яркое, величественное впечатление могли производить на современников не только мощные крепостные стены, но и совсем скромные, с нашей точки зрения, ограждения и даже «исчезающие» в ландшафте линии территориальных границ.

Тотальное отрешение от внешнего мира было необходимо и действительно во время вражеских нашествий, когда горожанам приходилось сидеть в осаде. Однако наступало и другое время, позволявшее расслабиться и открыться. Город не мог жить в полной изоляции постоянно. Он существовал в освоенном человеком пространстве, которое имело гораздо более широкие границы, тоже обороняемые, но не так крепко, как посадский острог, а тем более, детинец или кремль.

Образ выгороженного среди хаоса космоса воспроизводился в разных масштабах многократно. Каждый народ стремился защитить свои владения, следуя примеру Творца неба и земли. Получалось так, что большой мир наполнен множеством самодостаточных малых миров – как соседствующих, так и вложенных друг в друга по «принципу матрёшки». Недаром многие артефакты древних культур определяются исследователями как «микрокосмы», наглядно отображающие архаические представления о «макрокосме» [4].

Пантеистическое мировоззрение способствовало пониманию того, что каждый живой организм представляет собой миниатюрное воспроизведение вселенной, которая едина в своём абсолюте, но бесконечно разнообразна в индивидуальных пространственно-временных воплощениях. Произведения рук человеческих подражают высшему ис-

кусству творения и встраиваются в общую весьма сложную, разветвлённую, но в основе своей стройную иерархическую картину мира.

Для раскрытия заявленной темы полезно обратить внимание на то, как традиционные легенды и сказки описывают перемещения героев во времени и пространстве. Ключевыми пунктами этих перемещений являются как раз границы, всегда труднопреодолимые, но всё же имеющие входы и выходы, доступные для посвящённых. Попадая в иные миры, добры молодцы обнаруживают там не только экзотику, но и много совершенно обычного. Часто русские сказки рисуют нечто похожее на простой поход в гости к соседу. Мир предстаёт в них в виде множества довольно дружелюбных, хотя иногда и враждующих, и коварных «царств-государств». Наверное, так и было на нашей земле в глубокой древности. Известно, что нечто подобное существовало в Древней Греции с её малыми и большими городами-государствами.

Границы были нужны не только между государствами, но и между землевладениями родовых кланов, соседских общин и малых семей. Контакт города с окружением смягчался за счёт выделения менее укреплённых территорий предградий, посадов, окольных городов, слобод, сёл, деревень.

В этой связи интересно отметить, что в докоперниковой космологии присутствовали упоминания о существовании за океаном, омывающим населённую нами сушу, других, периферийных земель разного свойства, смыкающихся по краям с небом первого дня творения [1, с. 35–36]. Такая модель ставит нашу островную землю в центр огромного здания вселенной. Она сопоставима с устройством посреди государства города, ядро которого, кстати, традиционно окольцовывалось водой.

Образ города запечатлевался и в отдельном домовладении с его огороженным двором и так или иначе связанными с ним семейными угодьями сельскохозяйственного и промышленного назначения. Показательны использованные в «Домострое» эпитеты хозяина и хозяйки – «государь» и «государыня» [5]. «В своём доме и в отчине своей» каждый глава семейства был на положении «царя-батюшки». Можно вспомнить ещё выражения: «хозяин – барин» и «мой дом – моя крепость». Дом на земельном участке имел принципиальное сходство с городом посреди «тянувших» к нему земель.

Храмы как «дома Божии» тоже уподоблялись мирозданию, создавая в городах, сёлах и монастырях островки святости. Они были нужны для высшей духовной защиты местности. Церковная иерархия и обособляла пространства разного ранга, и собирала их воедино, благодаря тому, что была проникнута сквозной идеей подобия. Обратим внимание на библейское определение самого священного пространства среди прочих – «Святая Святых». Субординацию пригородных и городских пространств возглавляли, конечно же, храмы, прежде всего – кафедральный собор.

Как видно, всякая местность осваивалась и обустроивалась человеком неравномерно путём выделения наиболее важных зон и участков, с тем, чтобы расчленять и структу-

рировать текучее пространство дикой природы. Сторонний поверхностный взгляд на древние и средневековые города обнаруживает в них живописную неупорядоченность, объёмно-пространственную «рыхлость». Отдельные здания здесь будто «плавают» на волнах по воле ветра. Однако причина того заключается не в неумелости зодчих, а в первую очередь как раз в интересующей нас дискретности, обособленности землевладений.

Для каждой постройки выбиралось своё, подобающее её значимости место. Зодчие очень внимательно относились к постановке главного здания на участке, ибо оно должно было формировать и удерживать вокруг себя соответствующее окружение. Но этому зданию было «не по чину» претендовать на доминирование за пределами своей территории. Такое позволялось только царским дворцам и главным городским соборам.

Просторность города была иллюзорной в силу преобладания невысоких дворов под открытым небом. На самом деле, вся земля размежёвывалась очень экономно. Жилые и производственные дворы, участки церквей и монастырей чаще всего примыкали друг к другу вплотную, как это было и в так называемой «ковровой» застройке Ближнего Востока. В общем пользовании оставались только узкие улицы, переулки, тупики и редкие площади на перекрёстках. В южных странах наблюдалась тенденция к их ещё большему затеснению за счёт создания второго, нависающего над улицей этажа. Очевидно, интересы дворовладельцев преобладали над общественными нуждами. И это предопределялось не нарастающими трудностями жизни, а глубочайшей традицией, восходящей к таким общинным поселениям, как Чатал-Хююк в Малой Азии, где не было улиц вовсе [6].

Повседневная жизнь горожан протекала по большей части в пространстве их домов, дворов и земельных наделов. «Домострой» даёт ясное указание насчёт поддержания замкнутости семейного быта. Нельзя «выносить сор из избы», нельзя и приносить в неё дурные вести. Во имя добрососедства следует минимизировать внешние контакты, не заходить без спроса в иные владения, не зариться на чужое. Исполнок веков существовала забота оберегания домочадцев, особенно детей – от «сглаза». И жён своих мужья старались прятать в глубине жилища. Так что любоваться (как это принято сейчас) живописной посадской застройкой, заглядывая во дворы, в старину было просто недопустимо.

Русские крестьяне до недавнего времени избегали устройства дверей и окон с северной – «ночной» – стороны дома [7, с. 163]. Светлую сторону делали более приветливой. «Красну Солнышку» радовались, и навстречу ему приоткрывали пространство обитания. Хотя по вечерам всё затворялось наглухо. В добавление к тому проёмы, да и стены, и крыша защищались от проникновения «нечистой силы» всевозможными «оберегами» [8, с. 460–517].

Пространства, открытые для общего пользования, оставались только на межах земельных владений, в нейтральных

полосах. Правда, иногда эти полосы делались достаточно широкими, пригодными для многолюдных собраний и торговли. Показательна в этом отношении топография Древнего Рима. Его холмы были заняты, в основном, поселениями патриархальных родов, образовавших союз, а осушенные долины между холмами стали местом расположения разветвлённого общественного центра.

Стоит обратить внимание на некоторые средневековые города Восточной Европы, в планах которых закрепились миндалевидные очертания так называемого «длинного рынка» [9, с. 152–153]. Такой рынок создавался посреди поселения деревенского типа, вытянутого вдоль дороги. Превращение этого поселения в город ознаменовывалось размещением в его свободном срединном пространстве учреждения самоуправления – ратуши, а также городского собора и других общественных зданий.

В отличие от замкнутых в себе дворов и дворцов, монастырей и кремлей, общественные, коммуникативные пространства можно охарактеризовать как открытые и плавно перетекающие друг в друга. Только надо иметь в виду, что открытость их в старину была далеко не абсолютной. Дело в том, что этими пространствами владели определённые общины, а не всё общество в целом. А в особо значимых пространствах, принадлежавших государству и церкви, царил строжайший социальный этикет. Кроме того, надо учесть, что полновластными господами в патриархальном обществе являлись лишь главы семейств – старейшины, аристократы. «Лучшие» люди возвышались над «средними» и тем более – «мизинными». Не всем дозволялось появляться на городских собраниях и торжествах. Даже если первые лица делали широкие жесты, приглашая простой народ, каждый человек должен был хорошо знать своё место и в социуме, и в пространстве.

Большие транзитные пути отличались сравнительной просторностью. Наверное, они изначально прокладывались в интересах города и государства по водоразделам между землевладениями. В этом заключалось сходство их с реками, разделяющими прибрежные поселения. Но были улицы и внутримосковские, внутрислободские, выполнявшие общественную функцию локального значения.

В Москве сохранились некоторые улицы, меняющие свои названия на отдельных отрезках, что заставляет думать о том, что в допетровские времена на них нанизывались разные слободы. Если так, то согласно указу Ивана III, на ночь они должны были запирались «решётками» для «береженья от огня и от воровских людей» [10, с. 285]. Надо полагать, что в то беспокойное время «решётки» с охраной ставились и на больших дорогах. Во всяком случае, в эпоху империи на главных въездах в город располагались заставы.

Сказанное важно иметь в виду, когда речь идет о пространственной организации традиционного города. Она была отнюдь не такой открытой и свободной, как представляется на первый взгляд. Суть дела состоит в том, что её определяла не традиционная застройка, а система городского

землевладения. Эта система не допускала пустот. Вся земля и внутри города, и за его пределами вплоть до внешних границ принадлежавших ему природных угодий, была размежёвана и распределена между владельцами – отдельными хозяевами и общинами.

Столь определённо говорить об этом позволяют документальные историко-градостроительные исследования [11]. Среди них надо отметить новейшие работы И.Е. Кушелева, посвящённые детальному изучению позднесредневековой территориальной структуры города Орла [12; 13]. Автору удалось убедительно показать, что для нужд городских общин изначально выделялись обширные земельные угодья, включавшие и выгоны для скота, и пашни, и сенокосы, и лесные массивы.

Владельцы получали возможность ставить свои дворы очень вольготно, смотря по месту, отчего могло казаться, что поселения как-бы «блуждают» (выражение М.Г. Рабиновича) по бескрайней открытой территории. Однако никакая размежёванная территория отнюдь не была бескрайней и открытой. Чтобы понять это, достаточно обозначить все земельные владения разными цветами. Разделительные линии прокладывались по естественным складкам рельефа местности, отчего возникал неповторимо живописный рисунок плана. Но этот рисунок означал ни что иное, как чётко определённую демаркацию городских и пригородных пространств. Разница участков на периферии и в центре состояла только в степенях плотности их застройки. Сам же принцип пространственной организации допетровского города оставался универсальным и стабильным (если только не вдаваться во все перипетии истории конкретных городов).

Данное утверждение хорошо подкрепляется примером Великого Новгорода. В период расцвета его посад состоял из пяти «концов», каждому из которых принадлежала своя «пятина» – соответствующая доля огромной новгородской земли. Естественно, что «пятин» осваивались при помощи редких деревень, тогда как «концы», обнесённые общей линией укреплений, вмещали в себя множество дворов, поставленных друг к другу вплотную.

Принято считать, что главным градостроительным признаком наступления Нового времени стало требование Петра I и его преемников ставить дома «в струнку» по выправленным красным линиям улиц. Это было, конечно, непривычно, но не так существенно, как отказ от деления города на общины – слободы. Переход к подворному, а потом к подушному налогообложению (1718–1724) означал разрушение средневековых родовых и профессиональных соседств с их исконным самоуправлением и круговой порукой [14, с. 517–518]. Посадские дворы стали свободно продаваться и покупаться, а их хозяева контактировать с властями напрямую, согласно своему положению в общегосударственной «Табели о рангах».

Когда Екатерина II взялась за перепланировку российских городов, уже не было и речи о сохранении в них патриархальной сепаратности. Наоборот, в умах господствовала

идея архитектурно-пространственного и стилистического единства. Если раньше в слободах по соседству жили и богатые, и бедные, то теперь для первых стали отводиться территории центральные, а для вторых – периферийные. Все очень логично с точки зрения самодержавной политики эпохи Просвещения.

Средневековый город формировался в интересах коренных жителей, которые вольны были распоряжаться земельными наделами по своему усмотрению. В их дворах, как и в интерьерах домов, главенствующее значение имело пространство внутреннее, потаённое, а самый низший статус отводился пространству при входе: вспомним хотя бы правило расположения красного угла избы вдали от двери. Поэтому нет ничего удивительного в том, что снаружи посадские дворы обносились строениями утилитарными и неказистыми.

Город Нового времени подчинился интересам государства и социума. На смену скромным пространственным межам пришли парадные общественные пространства, отрегулированные по указанию верховной власти. Дома жителей встали, как «по стойке смирно», будто приветствуя императора и вельмож, церемониально перемещающихся по широким городским «проспектам».

Дискретность пространственных образований не могла исчезнуть полностью. Это очевидно особенно применительно к жилищу, сохранившему многие традиционные черты. Но отношение к дискретности, дробности, лоскутности города стало негативным. Абсолютизм не допускал сепаратизма. Его заботило наведение идиллически прозрачного порядка во всех сферах жизни. Для этого требовались армейская дисциплина и полицейский контроль. Как известно, именно полиции было поручено следить за строительством.

Благодаря возрастанию имперской власти появилась возможность освободить города от средневековых стен и сделать их открытыми, привольно растающими в сельскую округу. Стало безопасно строить и совершенно неукреплённые дворянские усадьбы среди природы. Перепланированные города оказались привлекательны своей регулярностью, цельностью и опрятностью. Однако нельзя не сожалеть, что древнерусское архитектурное, градостроительное и вообще – культурное наследие, было при этом безжалостно отвергнуто и порушено.

Мечты об «идеальном» городе, преисполненном абсолютной гармонии, заявили о себе ещё в эпоху итальянского Ренессанса, когда появились трактаты, чертежи и архитектурные пейзажи на эту тему [15]. Наиболее эффектные ведуты конца XV века своей картинной перспективностью, замечательно выстроенной на уходящей в даль единой плоскости, ярко демонстрируют отрицание достоинств средневекового городского пространства, всегда сгружённого, дробного, подчинённого перепадам рельефа, расчленённого множеством оград и порогов.

Впоследствии к воплощению в реальности города-идеала прилагали немалые усилия и социалисты-утописты, и пред-

ставители официальных властей, насаждавшие повсеместно правила регулярного градостроительства.

Нельзя не отметить, что христиан исстари вдохновлял апокалипсический образ «Нового Иерусалима» с его сияющей светлостью, чистотой и отворенными постоянно воротами (Откр. 21: 18–21, 25). Несмотря на то, что вследствие великих астрономических и географических открытий былая вера в библейское описание строения вселенной сильно пошатнулась и религиозная культура в целом начала заметно обмирщаться, давнее эсхатологическое упование на скорое преобразование земного греховного мира усилилось, стимулируя всё более решительные, горделивые практические действия и монархий, и сметавших их республик.

Революционное, во многом атеистическое сознание XX столетия настроило человечество на борьбу с «отжившими свой век» архаическими традициями. К наследию прошлого потребовалось подходить теперь избирательно, подхватывая и творчески развивая лишь то, что способствует идеологизированному социальному прогрессу. Социалистические и коммунистические лозунги отдали безусловный приоритет общественной жизни, а в отношении города – общественным пространствам. Частновладельческая усадебная застройка стала восприниматься как наследие «мелкобуржуазное», уходящее.

Приватные пространства в городах почти совсем исчезли. Улицы, площади, дворы, скверы, парки оказались пространствами сугубо общественными, причем принадлежащими вовсе не местным жителям, а буквально всем и никому конкретно.

Проезжие части дорог захватили анонимные потоки автомобильного движения. Современному транспорту сильно мешает пространственная дискретность, поэтому усилия планировщиков направляются на всемерное обеспечение связности магистралей и бесперебойности движения по ним. В былые времена тоже существовали сети дорог – не только сухопутных, но и водных, однако они не представляли собой столь целостных и динамичных систем, поскольку разбивались на отрезки, находившиеся в ведении разных владельцев. Местные жители и сейчас пытаются иногда контролировать использование внутриквартальных проездов и дворов, но у них нет на то полномочий. Вообще, они обитают в пространстве, которым распоряжаются чиновники-управленцы.

Как видно, призыв Ле Корбюзье расчищать места от непроходимой старой застройки, чтобы создавать широкие проспекты и зелёные променады меж компактных многоэтажных корпусов, возымел своё действие. Частная жизнь большинства горожан обрекалась, таким образом, на замыкание в интерьерах квартир. Но к чему она людям новой общественной формации?!

Советские спальные «микрорайоны» 1960–1970-х годов сформировали грандиозные полуоткрытые и «перетекающие» друг в друга пространства общего пользования. Их границы специально размывались, дабы смягчать связь с окружением.

Несмотря на критику безликости и гипертрофированности этих пространств, в 1990-е годы, когда был поставлен вопрос о размежевании придомовых участков, общественное мнение поднялось на защиту территориальной целостности городских районов и свободы перемещения в них. Заборы кое-где появились, но, мягко говоря, не завоевали симпатий.

Мировой тенденцией последнего времени надо признать стремление к расширению пространств общего пользования за счёт их частичного распространения на территории частных и государственных объектов, прежде всего в уровне улицы. Это объясняется, с одной стороны, борьбой с замкнутостью и отчуждённостью от городской жизни крупных фирменных зданий и комплексов, а с другой – возросшей потребностью населения и туристов в рекреационных и деловых пространствах. Разрастание такого рода общедоступных, но полуприватных зон представляет обоюдный интерес для пользователей и бизнеса.

А идеологическую подоплёку такому размыванию пространственных границ создаёт либеральная философия формирования «открытого общества», весьма влиятельная и агрессивная, надо признать, по отношению к патриархальным традициям. Ею оправдывается, в частности, новый европейский обычай оставлять незашторенными окна на улице. И вообще заменять стены стеклянными витражами, легко пропускающими естественный и искусственный свет в обе стороны и днём, и ночью. К этому можно добавить, что нетрадиционно и двусмысленно звучит расхожее определение цели общественных забот об инвалидах – создание «безбарьерной среды». На самом деле, гораздо удобнее для них была бы среда, специально разграниченная барьерами безопасности.

Итак, можно констатировать, что дискретность, то есть отчуждённость и изолированность разнородных пространств в современных городах не приветствуется. Наоборот, акцент делается на их единении, интеграции в некий средовой конгломерат, параметры которого размываются до неопределённости. В противовес пресловутой «штучности» и «мелкотравчатости» застройки выдвигается концепция крупного, комплексного, но архитектурно неопределённого «развития территорий».

На это есть, что возразить.

В первую очередь, следует отметить повсеместное признание всевозрастающей ценности архитектурного и градостроительного наследия. Это обязывает изучать и беречь его. Нельзя разрушать и модернизировать исторические объёмно-пространственные структуры подлинных памятников. Не следует и осовременивать их градостроительный контекст. Памятники истории и культуры имеют право жить «своей жизнью» и окружаться своей специфической пространственной «аурой».

Многие исторические части городов обладают очень привлекательной, человеческой атмосферой. Есть смысл расширять такую традиционную жизненную атмосферу и на новые районы небольшой этажности.

Жителям сегодня явно недостаёт поистине своих, приватных городских пространств. Поэтому полезно было бы заняться возрождением исконной усадебной застройки внутри городов.

Очень беспокоит современная архитектурная гигантомания, выгодная крупному бизнесу, но вредная и опасная для массы рядовых горожан. Она препятствует столь желанной гармонизации городской среды. Многоэтажная застройка должна не смешиваться с малоэтажной, а чётко отмежевываться от нее путём создания буферных зон.

Нельзя, конечно, идеализировать историю и отречься от современности. Но есть смысл в актуализации наиболее жизнеспособных архитектурно-градостроительных традиций, среди которых важное место занимала по-своему логичная и последовательная структуризация разных по значимости, масштабу, характеру и качеству городских пространств, позволявшая в прошлом создавать высокохудожественные произведения градостроительного искусства.

Список источников

1. *Редин, Е.К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам / Е.К. Редин. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – 35 с. – Текст : непосредственный.
2. *Райт, Дж.К.* Географические представления в эпоху крестовых походов : Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Дж.К. Райт ; пер. с англ. М.А. Кабанова ; предисловие А.Я. Гуревича. – Москва : Наука, 1988. – 477 с. – Текст : непосредственный.
3. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собрано М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. – Москва : Автор, 1992. – 608 с. – Текст : непосредственный.
4. *Рыбаков, Б.А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства / Б.А. Рыбаков. – Текст : непосредственный // Декоративное искусство. – 1976. – №№ 1 и 3. – С. 101–119.
5. Домострой / Сост., вступ.ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. – Москва : Советская Россия. 1990. – 303 с. – Текст : непосредственный.
6. *Мелларт, Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Дж. Мелларт ; пер. с англ. и коммент. Е.В. Антоновой. Предисл. Н.Я. Мерперта. – Москва : Наука, 1982. – 149 с. – Текст : непосредственный.
7. *Байбурин, А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 273 с. – Текст : непосредственный.
8. *Рыбаков, Б.А.* Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 782 с. – Текст : непосредственный.
9. *Саваренская, Т.Ф.* История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды : Учебник для вузов / Т.Ф. Саваренская. – Москва : Стройиздат, 1984. – 376 с. – Текст : непосредственный.

10. *Забелин, И.Е.* История города Москвы. Неизданные труды / И.Е. Забелин. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 384 с. – Текст : непосредственный.

11. *Мазур, Л.Д.* Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля / Л.Д. Мазур. – Тула : Гриф и К, 2006. – 111 с. – Текст : непосредственный.

12. *Кушелев, И.Е.* Основные принципы формирования территориальной структуры города Орла в XVI–XVIII вв. / И.Е. Кушелев. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 2023. – Вып. 78. – С. 10–21.

13. *Кушелев И.Е.* Территориальная структура Орла в средневековый период / И.Е. Кушелев. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 2023. – Вып. 79. – С. 19–26.

14. История России с древнейших времен до конца XVII века : учебник для вузов / под ред. Л.В. Милова. – Москва : Эксмо, 2006. – 766 с.

15. *Чезаре де Сета.* Идеальный город эпохи Возрождения / Чезаре де Сета. – Текст : непосредственный // Искусство. – 2018. – № 3 (608). – С. 50–59.

References

1. Redin E.K. Khristianskaya topografiya Koz'my Indikoplova po grecheskim i russkim spiskam [Christian Topography of Cosmas Indicopleustes according to Greek and Russian Lists]. Moscow, Printing house of G. Lissner and D. Sobko, 1916, 35 p. (In Russ.)

2. Rait Dzh. K. Geograficheskie predstavleniya v epokhu krestovyykh pokhodov. Issledovanie srednevekovoi nauki i traditsii v Zapadnoi Evrope [Geographical Ideas in the Era of the Crusades. A Study of Medieval Science and Tradition in Western Europe], translated from English by M.A. Kabanov, foreword by A.Ya. Gurevich. Moscow, Nauka Publ., 1988, 477 p. (In Russ.)

3. Russkii narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya [The Russian People. Their Customs, Rituals, Legends, Superstitions and Poetry], Collected by M. Zabylin. Reprint reproduction of the 1880 edition. Moscow, Avtor Publ., 1992, 608 p. (In Russ.)

4. Rybakov B.A. Makrokosm v mikrokosme narodnogo iskusstva [Macrocosm in the Microcosm of Folk Art]. In: *Dekorativnoe Iskusstvo*, 1976, no. 1 and 3, pp. 101–119. (In Russ.)

5. Domostroi [Domostroy], Compiler, introduction and comments by V.V. Kolesov. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, 303p. (In Russ.)

6. Mellart Dzh. Drevneishie tsivilizatsii Blizhnego Vostoka [The Oldest Civilizations of the Near East], translated from English and commented by E.V. Antonova, preface by N.Ya. Merpert. Moscow, Nauka Publ., 1982, 149 p. (In Russ.)

7. Baiburin A.K. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheckii analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 273 p. (In Russ.)

8. Rybakov B.A. Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 782 p. (In Russ.)

9. Savarenskaya T.F. Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. Rabovladel'cheskii i feodal'nyi periody History of Urban Development Art. Slave-owning and Feudal Periods], Moscow, Stroiizdat Publ., 1984, 376 p. (In Russ.)

10. Zabelin I.E. Istoriya goroda Moskvy. Neizdannye Trudy [History of the City of Moscow. Unpublished Works]. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 2003, 384 p. (In Russ.)

11. Mazur L.D. Russkii gorod XI–XVIII vv. Vladimirskaia zemlya [Russian City of the 11th–18th Centuries. Vladimir Land]. Tula, Grif i K Publ., 2006, 111 p. (In Russ.)

12. Kushelev I.E. Osnovnye printsipy formirovaniya territorial'noi struktury goroda Orla v XVI–XVIII vv. [General Principles of Development of the Territorial Structure of the City of Orel in the 16th–18th Centuries]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo [Architectural Heritage]*, 2023, Iss. 78, pp. 10–21. (In Russ., abstr.in Engl.)

13. Kushelev I.E. Territorial'naya struktura Orla v srednevekovyi period [Territorial Structure of Orel in the Medieval Period]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo [Architectural Heritage]*, 2023, Iss. 79, pp. 19–26 (In Russ., abstr.in Engl.)

14. Milov L.V. (ed.). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka [History of Russia from Ancient Times to the end of the 17th Century]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 766 p. (In Russ.)

15. *Чезаре де Сета.* Ideal'nyi gorod epokhi Vozrozhdeniya [The Ideal City of the Renaissance]. In: *Iskusstvo*, 2018, no. 3 (608), pp. 50–59. (In Russ.)